№ 54 — 55 Январь — Февраль 1935 года Цена 15 сентов

Рос 4-4
1-105

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА
64-199

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET **DETROIT, MICH.**

№ 54—55 ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1935 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Ликвидация Кирова - Кострикова. — М. НЕТТЛАУ. Пути и цели революции в понимании Кропоткина. — Б. СТОЯНОВ. Об анархизме и его осуществимости. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Роль идей в общественной жизни. — Л. ЛИПОТКИН. Путь к анархизму. — ОТТО ГЕРМАН. Анархист Карл Нольд.— А. Письмо анархии. — Письма, стихи и мелкие сообщения.

Кирова - Костприкова. — М.

Ликвидация Кирова--Кострикова

«Злодей и изверг», «враг рабочего класса», убил большевицкого вельможу, сталинского любимца — «товарища» Сергея Мироновича Кирова - Кострикова (прежний псевдоним), «руководителя большевиков и всех трудящихся Ленинграда» (следует перечисление званий и служб погибшего большевицкого сановника).

По знаку из Кремля, залились слезами, бешено завыли, загалдели, ощетинились и рассвирепели казенные большевицкие газеты по всей порабощенной советской земле.

Убит Киров-Костриков, по сообщению «Правды» от 3-го декабря 1934 года, Леонидом Васильевичем Николаевым, «1904 года рождения, бывшим служащим Ленинградской РКИ» (Рабоче-Крестьянской Инспекции).

Убит он, значит, не закоренелым, неисправимым приверженцем старого режима ,а человеком новым, 30-ти летнего возраста, из молодой большевицкой смены, своим-же товарищем большевиком.

Большевицкая печать не дает почти никаких биографических сведений о личности Николаева. Очевидно его партийное прошлое настолько безукоризненно, что официозная печать предпочитает лучше всего о нем умолчать.

Тайное, однако, становится явным. Из сообщения хорошо осведомленного в большевицких делах Г. Беседовского уже известно, что Николаев не обыкновенный рядовой большевик, а подававший большие надежды молодой чекист, гастролировавший даже заграницей в качестве тайного агента ГПУ, выполнявший, под руко-

бодством пресловутого архи - чекиста Гольдштейна, очень рискованные и деликатные поручения.

И совершенно напрасно «Правда» старается приписать Николаеву и остальным разстрелянным оппозиционерам такие грехи, как попытки «вернуть нас назад, в капиталистическое прошлое, отдать нашу родину под власть паразитов и насильников», в каковых грехах больше всего повинны сами сталинцы.

Не располагая поддержкой народа внутри страны, сталинское правительство ищет поддержки и благорасположения к нему со стороны буржуазных правительств. Вступление СССР в Лигу Наций еще больше укрепило дружбу и сотрудничество сталинцев с буржуазным миром. Литвинов превращается в подлинного агента и лакея капиталистов и империалистов.

В Лиге Наций не кто иной, как Литвинов выражает чувства негодования и возмущения по поводу убийства короля— самодержца.

Недавно наркоминдел там-же прочел доклад «Об ограждении буржуазных купальных курортов от загрязнения нефтяными остатками, и о спасении морских чаек». Подходящая тема для представителя пролетарской республики, «авангарда мирового пролетариата».

Литвинов только выполнитель воли Сталина, который своим новым лозунгом о «зажиточности», не практике вылившемся в устройство пирушек и пьянок партийным активом, — фактически разлагает и развращает свое окружение. Пусть пьянствуют ,но только чтобы поменьше думали.

Сталин разстреливает 117 молодых большевиков - оппозиционеров, чтобы еще раз убедить весь буржуазный мир в том, что именно он готов сыграть роль советского Тьера, и довести ликвидацию русской революции до желанного для капиталистов конца.

И не без оснований Сталин может теперь расчитывать на получение новых займов и кредитов в Вашингтоне, в Париже и даже у Гитлера. «Капиталистические акулы», а ныне лучшие друзья Сталина, наверное не пожалеют денег на финансирование сталинского Термидора, на новые решительные расправы с еще не сталинившимися молодыми большевиками.

***

Авторы биографии нового советского «мученика» все собрали, все отметили, ничего не позабыли. Родился Киров в городе Уржуме, Вятской губернии, в 1885 году (46 лет назад), в «бедной» мещанской семье.

В детском возрасте осиротел. Природный, можно сказать, пролетарий, пробившейся в «люди». Окончив городское училище, попал затем в Казанское механико - техническое училище, а по окончании его — в Казанский университет. Не всякий бедняк в России, повидимому, имел подобные возможности.

Киров - Костриков не составлял исключения в студенческой среде того времени, принимал участие в революционном движении и, как многие другие студенты, сидел в тюрьме, ходил в ссылку, и постепенно превратился в профессионального пропагандиста эсдэка.

Служебная карьера Кирова - Кострикова начинается с переходом его к большевикам после Октябрьской революции. При Ленине, окруженном старой большевицкой гвардией (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин и т. д.), Киров остается незаметной величиной, но известен в качестве исполнительного чиновника, преданного высшему начальству.

Вершины служебной лестницы Киров -Костриков достигает только при Сталине, благоволившем ему за услуги в борьбе с другими претендентами на ленинский престол. Киров - Костриков бесцеремонными, недобросовестными и подлыми выпадами против конкурентов Сталина создал себе репутацию «крушителя уклонов», самого нужного диктатору человека.

Угодничество, подхалимство, лесть, предательские наскоки на партийных товарищей, смевших иметь свое собственное суждение, — таковы характерные черты погибшего сталиниста, мечтавшего только

о карьере, о барской жизни, о том, чтобы чорт побери, «жить и жить» в роскошном генерал - губернаторском дворце в Ленинграде. Пуля, однако, прервала жизнь карьериста.

«Когда враг не сдается — его уничтожают», — заголовок передовицы «Правды» от 30-го декабря 1934 года.

Но кто-же враги и кто жертвы? Не являются-ли врагами народа Кировы, Сталины, Ворошиловы, Молотовы и большевики вообще, убившие, замучившие голодом миллионы рабочих и крестьян в СССР?

Кто в таком случае заслуживает уничтожения?

За одного Кирова большевики разстреляли уже 117 человек, тысячи людей попали на каторгу, в ссылку и в концлагери. Сталинский террор коснулся уже своих партийных товарищей, верной опоры сталинского трона — чекистов и даже соратников «Ильича» — Зиновьева, Каменева и других, пожираемых ими-же вспоенной и вскормленной «диктатурой пролетариата».

Интересная историческая параллель: в Петербурге, сто восемь лет назад, верховный уголовный суд вынес обвинительный приговор тоже 117 участникам Декабристского возстания. Это была неудачная попытка, главным образом, передового офицерства и аристократии уничтожить в России царский самодержавный строй, раскрепостить крестьян и ввести конституционный образ правления.

Пять декабристов были приговорены к смертной казни, 31 человек — к безсрочной каторге, а остальные — к срочной каторге и другим наказаниям.

Слова опубликованного Николаем 1 манифеста по поводу казни декабристов почти тождественны с выражениями упомянутой передовицы «Правды». Царь называет декабристов «извергами и злодеями», людьми, которых «сердца развратные и мечтательность дерзновенная». Николай 1 не скупился на бранные выражения по адресу взбунтовавшейся против него аристократии и цвета офицерства (среди осужденных декабристов — 14 князей, графов и баронов).

«Правда»-же разстрелянных 117 человек, преимущественно молодых партийцев - оппозиционеров, называет «контрреволюционными негодяями».

Для царя Николая покушавшиеся на его власть декабристы были — «изверги и злодеи». Сталин-же именует жертвы декабрьских разстрелов «негодяями». И царь и диктатор один другого стоит.

***

Казненный декабрист Рылеев правильно оценивал значение даже безуспешных возстаний:

«Предвижу, что не будет успеха, но потрясение необходимо. Тактика революций заключается в одном слове: дерзай, и, ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других».

Итак, — угнетенные, порабощенные и эксплоатируемые — дерзайте! Без борьбы, без дерзаний нельзя избавиться ни от большевизма, ни от капитализма, ни от фашизма.

Что-же принесет человечеству избавление от палача и позорных цепей?

Прежде всего, раскрепощение от государственного и экономического порабощения, порождающего все современные бедствия, страдания и лишения во всех странах.

Над человеком никто не должен властвовать и господствовать — ни большинство (лже-демократия), ни меньшинство (большевизм и фашизм).

Люди могут разрешать все свои дела непосредственно, путем добровольных договоров и соглашений. И только в безвластном обществе человек станет подлинно свободным.

M. NETTLAU.

Пути и цели революции в понимании Кропоткина

IV. 1895—1905.

Великие, часто отчаянные и героические и, в конце концов, безуспешные усилия анархистов в периоде 1886—1894 не были напрасны. Они помогли задержать наступление реакции, вроде диктатуры генерала Буланже во Франции, которая давала уже предвкушение войны и фашизма. Эти усилия содействовали под'ему антипарламентских течений среди социалистов (во Франции, Голландии, Германии). Они дали новые импульсы передовой литературе, искусству и философской мысли. Они дали сознание и волю до того времени пассивным синдикатам во Франции, прежде управлявшимся политическими хозяевами (реформист, радикал или политический социалист). Синдикализм развернулся и приблизился к действительной жизни с помощью анархистов Пеллутье, Пуже и др. Синдикализм, таким образом, обязан своей гуманизацией анархистам, как членам Интернационала, так и деятелям восьмидесятых и начала девяностых годов. Он показал бы себя весьма неблагодарным, если бы позволил себе убедить в том, к чему некоторые пытались и пытаются его склонить, — и отверг бы анархизм. Позднее синдикализм погрузился в рутину рабочего реформизма и стал только современником, но отнюдь не активным сотрудником прогрессивной эволюции.

Станет ли кто либо, следивший за предшествовавшим изложением, верить, что Кропоткин придерживался других мнений, чем те, которые обрисованы здесь?

Анархизм был и остался наиболее этической, наиболее проникнутой великодушием частью социалистического движения. Он не должен лишать себя этого значения в поисках власти и влияния на массы. Кое-кто уже делал такие попытки путем слияния анархизма с синдикализмом. Очевидно ,что места и простора достаточно для обоих движений и еще для многих других движений помимо их.

В конце 90-х годов, когда многие начали преклоняться перед синдикализмом и искать защиты под его широкими крыльями, и когда другие уклонились в сторону мелких задач и доктринализма, Кропоткин составил эти три наиболее прямолинейных утверждения об анархизме в целом, в его широчайшем смысле и в прекраснейшей форме книжки, в 1912 г.). Здесь он обороль» (1896), — «Анархия, ее философия, ее идеал» (1896), — «Современная наука и анархизм» (впервые издана на русском языке в 1901 году, а позднее в форм книжки, в 1912 г.). Здесь он обнажил корни государства, его происхождение (сравнительно позднее), его неизбежное развитие и столь же неизбежное исчезновение со временем, когда его функции и жизненность истощатся. Философия и идеал анархии здесь прекрасно изложены, тогда как «Современная наука и анархизм» включает вопросы еще спорные: это не относится, однако, к вопросам экономическим и к революционным идеям, разсмотренным на этих страницах.

В 1898 году Кропоткин опубликовал также блестящие статьи за подписью «Виндекс» на тему о социальном бунте в мае того года в Италии и Испании. Это самые революционные статьи, из числа им написанных, какие мне пришлось видеть. Если оставить в стороне его переживания в 1905 году, когда бурно развивалось русское революционное движение, начиная с разстрела у Зимнего Дворца в январе и кончая московским востанием в декабре, то можно утверждать, что никогда Кропоткин не возлагал на революцию таких горячих надежд, как в эти недели мая 1898 года, когда он жил в теснейшем интеллектуальном и эмоциональном единении с народом, находившимся в состоянии прямого социального бунта.

Однако, ему пришлось быть свидетелем поражения итальянского народа, как

еще раньше ему пришлось увидеть крушение великого анархистического порыва 1889—1894 г.г., когда огромные майские демонстрации 1890 года и одного или двух последующих годов, а также растущее недовольство среди рядовых социал-демократов показали, что народные силы быстро пробуждались в то время и как будто готовились к действию. Эти факты привлекли его внимание к тем фатальным элементам, которые в те годы стали зажимать в своих клещах социалистическое движение — к лидерам и к бюрократическому и газетному аппарату социал - демократии в теоретическом плаще марксизма. Сам Маркс — я еще достаточно наивен, чтобы верить этому, — отвернулся бы от них с содраганием. Однако, Энгельс, занявшись восхвалением Маркса после его смерти, говорит о них с восхищением.

Кропоткин — по крайней мере, таково мое впечатление, — несколько недооценил эту грядущую опасность. Его мысль, сосредоточенная на коммунне, обнажила перед его взором растущую власть государства тех лет,т .е 80-х и 90-х годов. Он верил, что народ стремится к коммуне, по крайней мере в латинских странах и в британских местных учреждениях. Подобно Джемсу Гильому и другим, он примирился с государственностью, которую германские и северные страны могли предпочесть для себя. Но государство всегда интернационально, т. е., когда оно укрепляется в одной стране, то получает более значительную силу повсюду. Так это было 50 лет тому назад, совершенно так обстоит дело и теперь: диктатура существует лишь в некоторых странах, а мероприятия и режимы более или менее диктаторские существуют во ВСЕХ странах. Таким образом, государство, империализм и социал - демократия, каждый в отдельности и все вместе, стали великой авторитарной опасностью 50 лет тому назад и делали и продолжают делать все, чтобы задержать развитие либерального духа, человеческих устремлений к свободе, которыми отмечены были конец 18-го века и 19-й век.

Кропоткин не нуждался в том, чтобы кто-нибудь указал ему на эту растущую опасность. Однако, следует отметить, что, начиная с конца 1891 года он часто встречался с Варламом Черкезовым, который в то время поселился в Лондоне. От него он услышал все подробности о переворсте в умах, какой начал производить марксизм в истолковании, главным образом, Плеханова, в социалистической среде, а особенно среди молодежи. От него Кропоткин скоро услышал о том, что формулированные Марксом принципы и утверждения представляют собою воспроизведения мыслей, встречающихся у более ранних социалистических писателей, социологов и философских наблюдателей вообще. Нельзя поставить в упрек Марксу то, что он, таким образом, установил связь с предшествовавшими мыслителями, ибо каждый связан с прошлым и строит на старом и прочном основании. Марксизм был скорее подкреплен, чем опровергнут, когда было доказано, что на его долю приходится минимум, а не максимум той оригинальности, на которую он претендовал. Но это был заслуженный удар по самоуверенности Энгельса и по невежеству его сообщников, которые хотели заставить рабочих поверить, что до Маркса существовали лишь тьма и хаос, подобные тем, какие, согласно Библии, существовали прежде, чем Господь дал себе труд создать мир. Кропоткин был поражен многим из того, что Черкезов разсказал ему с германских социал - демократах, Марксе и Энгельсе, о раннем социализме, а также о синдикализме, о результатах чтений и наблюдений Черкезова, — результатах, которые по необходимости были менее полны и закончены, чем многие пережитые им самим и непосредственно им наблюдавшиеся факты и особенности, которые он знал благодаря 30-ти или 40 годам интимного общения с русской революционной средой.

Кропоткин не чувствовал себя по отношению к Черкезову ни учеником, ни

верующим, но он впитывал в себя сообщенные ему сведения и затем разсуждал на основании материала, который не мог быть полным. Редко обращался он непосредственно к источнику. У него не было времени для этого, так как начиная с 90-х годов у него было на руках больше дел, чем он мог выполнить. Но он чувствовал до некоторой степени влечение к ранней английской и французской социалистической литературе, к Годвину, Роберту Оуэну, Томпсону, Фурье, Консидерану и др., которые после 1848 года находились в таком пренебрежении и забвении, что их труды были как бы новым откровением для него. Он очень сожалел, что все эти связи были оборваны. Надменный вандализм марксистов, назвавших себя научными, а всех других социалистов утопистами, возлагал на них большую долю ответственности.

В конце 90-х годов и в последующие годы Кропоткин любил отбирать старые социалистические книги и погружался иногда на много дней в чтение их в Британской библиотеке. Он был слишком занят, однако, чтобы отдавать больше времени этому предмету. Его мозг, с годами работавший все быстрее, побудил его придти к чрезвычайно поспешным заключениям. Выводы Кропоткина на эти темы, в их окончательной форме, изложены в его статье «Анархизм» в дополнительных томах Британской Энциклопедии (1910) и в «Науке и анархизм» (английское издание 1912, французское издание 1913), и следы тех же выводов видны во многих других его статьях. Кропоткин начал изучать историю социализма, как я вижу это из его заметок, в ноябре 1896 года. Его изыскания не могли быть ни исчерпывающими, ни окончательными, как я только что указал для сведения современных писателей, но они были очень полезны в том смысле, что расширили его горизонт и укрепили его позиции против марксизма.

Кропоткин жил в период 1872—1882 г.г. в ближайшем соприкосновении с теми кругами, где происходила борьба Маркса против Бакунина, но только теперь он узнал о еще более роковом преступлении Маркса, который не только стремился уничтожить всех либертеров того времени, но и прилагал все силы к тому, чтобы похоронить и скрыть следы социалистического прошлого, чтобы отрезать несчастных глупцов, бывших его последователями, от прекрасного и цельного социализма всех перечисленных выше писателей и многих других. Кропоткин чувствовал поэтому побуждение об'единить весь социалистический мир против марксизма, который теперь оказывался в его глазах не только братоубийственным, но также и самоубийственным.

Мы видим, как Кропоткин изучает положение в ряде статей (несобранных) в «Тан Нуве», заместившем «Ле Револьте» и «Ла Револьт» (с 4-го мая 1895)—«Результаты исследований», «Маленькие уловки», «Куда ведут паллиативы» и т. д. (1895). Когда марксисты оказались в подавляющем числе на Лондонском Интернациональном Конгрессе социалистических рабочих и тред-юнионов в 1896 году и приняли закон, что все несогласные с их собственными условиями не должны допускаться на интернациональные конгрессы и в ту организацию, которую они неправильно назвали позднее «вторым Интернационалом», то Кропоткин написал ряд статей «Интернациональные Конгрессы и Лондонский конгресс» («Тан Нуво», 1886 г). Он был хорошо знаком с теми новыми тенденциями, которым Фернанд Пеллутье положил начало во французском синдикализме, и имел все возможности к тому, чтобы быть осведомленным о положении благодаря Пуже, в течение пребывания последнего в изгнании в Лондоне в течение года (с 1894 года до первых месяцев 1895). Он и Малатеста согласны были в том, что надо было занять позицию на Лондонском Конгрессе. В этой попытке сотрудничали французские, итальянские, голландские, английские и немецкие синдикалисты, антипарламентарные социалисты и анархисты, заинтересованные в синдикализме.

Приблизительно в это время (1896) Кропоткин вступил в дружественные отношения с британскими кооператорами (Манчестер), так как он видел, что они делают полезную социальную работу, не претендуя, как это делали иногда прежние кооператоры, что на них лежит миссия заменить социализм кооперацией. В то же время он довольно холодно относился к синдикализму и даже к самому. Пуже уже начиная с 1897 года, когда ему показалось, что существует тенденция заменить анархизм синдикализмом и некоторая склонность смягчить или урезать анархическую программу во Франции.

Он посетил Канаду и часть Соединенных Штатов во второй половине 1897 года. Многие еще помнят, вероятно, митинг в Купер Юнион (Нью Иорк) 23-го ноября, когда, по предложению Мек-Крейта, Кропоткину было вручено обращение, которое он позднее прочел на митинге в Лондоне, открытом председателем Лондонского Совета Тред-юнионов 24-го января 1898 года. В своей речи Кропоткин указал на экспроприацию, как неизбежный результат профессионального рабочего движения, ибо оборонительный период, первоначальная стадия, закончился. Тред-юнионы могут взять в свои руки фабрики и производство; кооператоры могут взять на себя распределение по себестоимости, а муниципалитеты могут взять на себя заведывание землей, домами и всеми полезными общественными службами. Эти три движения существуют в зародыше, а после революции в идеях и в фактах они образуют три существенных элемента для организации будущего общества (см. «Тан Нуво» от 5-го февраля 1898).

Мы можем здесь обратиться к неподписанной статье Кропоткина «Неотложная нужда — трудовой с'езд» («Фридом», сентябрь-октябрь 1900) и к его же письму, прочитанному на Лондонском митинге, приветствовавшем французских синдикалистов-делегатов (21-го июня 1901: «Фридом» сентябрь 1901), заявляющему... «что требуется (теперь) так это—интернациональная федерация всех тред - юнионов во всем мире». Я напомнил об этих фактах подробно в одном из моих предыдущих очерков. Кропоткин еще более систематически стал заниматься ими в 1902 году, когда большая забастовка в нескольких странах, а особенно энергичная и всеобщая забастовка рабочих металлистов в Барселоне, встали перед миром труда, и когда барселонская забастовка, благодаря вмешательству Таррида делль-Мармоль, Черкезова, Кропоткина, Сэма, Мейнворнинка и др. завоевала внимание и симпатию даже среди части лондонских тред - юнионистов, в числе которых были Том Манн и др. В то же время испанские политические социалисты, те самые, которые в 1931 году до осени 1934 года, в качестве социалистических министров, охотились на испанских либертеров, сделали неудачную попытку очернить задачу забастовки 1902 года в глазах английских тред - юнионистов. Кропоткин набросал тогда план «Интернационального рабочего альянса», о чем я узнал из набросков, написанных им для Таррида делль-Мармоль и напечатанных Ансельмом Лоренцо в мадридской «Земля и Свобода» (13-го сентября 1902), а также из письма Кропоткина к Жану Граву (3 июля 1902), которое мне удалось напечатать в 1931 г.

Важно также сравнить его письмо к ближайшим друзьям в июне 1881, в котором он предлагает открытый «стачечный Интернационал», тайную организацию групп для действий, а также продолжение и расширение тайного международного Братства испытанных борцов. В письме от 3-го июля 1902 года он прямо говорит, что... «когда я сочувствовал работе в синдикатах и доказывал ее необходимость, то я это делал в уверенности, что там существовало революционное ядро, которое видело в синдикатах вспомогательную, а не главную задачу. Если вспомогательное ныне принимается за единственную и главную цель пропаганды, — тогда, очевидно, дело плохо»... он разоблачает бесполезность политических социалистических партий и го-

ворит: «и я думаю, что только интернациональное рабочее движение могло бы еще раз зажечь умы и создать революционное, социалистическое (я подразумеваю коммунистическое) течение. Только новый Интернационал, — под каким угодно именем, как сердце социализма и революции, мог бы привести новую жизнь... а под Интернационалом я понимаю нечто великое, производящее, благодаря своему конгрессу, впечатление на широкую публику и включающее внутренне об'единенных между собой путем союза, революционеров, оставшихся коммунистами». Под словом «коммунист» Кропоткин разумел сторонников цельного социализма, а не тех, кто заменял эту идею реформизмом или социалистическим государственным социализмом.

На основании этих прямых свидетельств о взглядах Кропоткина в 1881 и 1902 г.г., более подробно разобранных мною в другом месте и относящихся к планам тайной организации, а потому и не появившихся в его широко известных читающей публике произведениях, я считаю Кропоткина, подобно Бакунину, анархистом, думавшим, что Интернационал не сможет осуществить свою великую цель, если он не будет иметь внутренний организм, Альянс (употребляя термин Бакунина). Это самый основной вопрос, ибо некоторые, подобно Джемсу Гильому в 1914 году, заговорили о так называемом «автоматизме», подразумевая под этим, что рабочая организация, в силу того факта, что она об'единяет рабочих и облегчает их совместную борьбу, должна придти автоматически, неизбежно, к осуществлению социализма.

Эта вера воодушевляет многих синдикалистов еще теперь и делает их нетерпимыми, даже враждебными по отношению к работе социалистов и анархистов в синдикатах.

Как во Франции в 1914 году, так и в Испании 1933 г. такие синдикалисты обычно ссылались на Бакунина, т. е. на простые речи Бакунина к рабочим, с приглашением вступить в Интернационал, где, уже в силу своего нахождения в этой среде, они получат возможность проложить себе путь к освобождению.

Весьма вероятно, что в таких открытых выступлениях Бакунин не мог развернуть и об'яснить смысл существования и цели Альянса. «Автоматисты» подобны людям, которые хотели бы, чтобы автомат, гомункулус, действовал, как живой организм. В 1914 году Малатеста написал в ответ Гильому: ... «Бакунин ожидал очень многого от Интернационала, но, в то же время, он основал Альянс, который был тайной организацией с явно определенной программой — атеистической, социалистической, анархической, революционной, — которая была подлинной душой Интернационала среди латинских народов, придавая ему таким образом анархическую ориентацию совершенно так, как марксисты дали ему социал - демократическую ориентацию»... Что касается Бакунина, то он писал в 1872 году своим испанским товарищам интимные письма, которые я опубликовал много лет тому назад: ...«наоборот, Альянс является необходимым дополнением Интернационала, который без него, превращенный в подобие чудовищного интернационального государства с весьма авторитарным правительством под руководством Маркса, был бы превращен, как, повидимому, надеялась марксистская камарилья, в послушное орудие для осуществления честолюбивых проектов, которые, следовательно, были бы направлены против подлинного освобождения масс».

В дополнение к этому свидетельству о Кропоткине, вот его письмо от 2-го марта 1914 года к Бертони, опубликованное несколько времени спустя после его смерти и списанное мною с подлинника, в котором он пишет: ... «Мое мнение целиком сходится с мнением,, которое Малатеста выразил в «Волонта» от 7 февраля 1921 года и с которым Вы (Бертони) согласны». Приведенные выше строки были извлечены из этой статьи и сама статья теперь легко доступна,так как она перепечатана в «Ла Ревиста Бланка» от 1-го сен-

тября 1933 года.

Кропоткин добавляет: «Синдикат безусловно необходим. Это единственная форма рабочей организации, которая позволяет вести прямую борьбу против капитала, не погрязая в парламентаризм. Но, разумеется, он не ведет к цели механически. Мы, например, имеем в Германии, Франции, Англии синдикаты, участвующие в парламентской борьбе, а в Германии — могущественные католические синдикаты и т. д. Другой элемент необходим, — тот, о котором говорит Малатеста и который Бакунин всегда пускал в ход» — т. е. Алльянс, или какая нибудь другая форма активного проявления анархического духа и воли.

Имея перед собой такое общедоступное документальное свидетельство, было бы столь недобросовестно и нелепо пристегнуть Кропоткина к чистому синдикализму, как это было бы по отношению к Бакунину. Если мыслитель оставляет запись, дающую полное представление о его взглядах, то неправильно было бы приводить лишь часть его взглядов, и таким образом, искажать их. В настоящее время нет более вопроса о сохранении тайны, так как весь вопрос постоянно обсуждается открыто в Испании с 1931 года, где Национальная Конфедерация Труда и ныне запрещенная Иберийская анархическая федерация заняли места Интернационала и Алльянса, соответственно, и — это необходимо заметить — относительно.

Инициативное предложение Кропоткина положить начало новому движению, с которым он выступил в 1902 году, осталось без последствий, не оставило записей, доступных мне, и не имело уже в то время никаких шансов.

Рабочее движение уже перестало быть стихийным. Каждый, кто был доступен убеждению, был так или иначе организован уже и поступил на попечение чиновников рабочих организаций, которые стремились только к тому, чтобы их местные дела процветали, а не к тому, чтобы бороться с трудностями. В некоторых странах были, правда, действительно передовые и активные организации, не желавшие сотрудничать с менее передовыми организациями; последние отвечали тем же. Единственным представителем рабочих организаций в Европе, кто мог бы быть пригоден для такой новой работы, был Том Манн. Однажды присоединившись к какому-нибудь новому движению или к борьбе крупного масштаба, он уходил в нее целиком и боролся талантливо и пламенно. Но он давно уже был на положении примадонны, которая поет, но только для очень бедных людей.

Идея вовсе не была неосуществимой, и, начиная с 1905 года, «Промышленные Рабочие Мира» представляли собой такую тенденцию к об'единению масс для прямой экономической борьбы и для применения прямых методов, близких сердцу Кропоткина. Однако, их история, хотя и мало знакомая мне, указывает как будто на то, что официально и ортодоксально организованный труд всегда считал их неприятными нарушителями мира и оттеснял их до тех пор, пока они не оказались сломленными и не выродились.

Рабочее движение не хочет быть свободным — таков один из выводов, которые подсказывает опыт, и такие слова совсем не являются преувеличением: рабочие, не привыкшие быть свободными, более склонны искать себе нового защитника — а в действительности хозяина—в лице реформистского или социалистического государства, и очень, очень многие предпочли эту новую зависимость борьбе и жертвам, которых требует подлинное освобождение.

После 1902 года Кропоткин несколько бодрее смотрел на позицию рабочих организаций и написал в «Фридом» статьи (1903, 1904), перепечатанные под заголовком «Грядущее возрождение социализма» (1904).

После долгого перерыва, Кропоткин возстановил свою связь с русскими анархистами, начав с переписки с армянским студентом Александром Атабеком, жившим в Женеве и посетившим Кропоткина в Лондоне (1891). Было напечатано тогда не-

сколько брошюр. Приблизительно в 1897 г. Кропоткин близко познакомился с Марией Гольсмит в Париже, а позднее с Гогелия в Женеве, затем с Александром Шапиро. Вместе с Черкезовым они были его преданными товарищами анархистами-коммунистами. С 1903 до 1905 в Женеве выходил «Хлеб и воля». Но помимо этого его внимание было поглощено ведшейся в России борьбой с самодержавием, начиная с университетских волнений зимой 1896—97 годов и позднее. Эта борьба захватывала его все больше, ибо, подобно многим русским, он считал, что «теперь, или никогда» (как Н. Чайковский сказал мне в те дни). События развивались, пока в 1905 году первая часть задачи не была осуществлена.

В течение 90-х годов главный период творческих изследований Кропоткина (1886 до, приблизительно, 1892) пришел, как мне кажется, к концу. Он пришел к окончательным выводам и стал работать над собиранием материалов, подготовляя последние статьи и книги «Поля, фабрики и мастерские» и «Взаимопомощь» (1899, 1902), но после прочтения значительного числа книг об этике (ему необходимо было самому ознакомиться с многими произведениями этической и философской литературы, что было очень утомительной задачей для него), он не мог продолжать работу над «Этикой», так как события русской революции 1905 года прервали его работу.

Он совершил свои две поездки в Америку, и большую часть 1898—1899 г. г. провел в работе над «Записками Революционера», которые впервые появились в форме книги 4-го декабря 1899 года, при чем, книга оказалась дополненной на одну треть по сравнению с тем материалом, который опубликован был в ряде статей. После второй поездки в Америку (1901) ему пришлось много поработать над книгой «Русская литература», которая была напечатана в 1905 году. Эти две книги должны были подвергнуться литературной обработке в английском стиле, а это была дополнительная и новая задача для него.

Приближение русской революции возложило на Кропоткина обязанность изучить дальнейший ход Французской Революции, которую он с любовью изучал в ее подготовительном периоде, в ее крестьянских возстаниях, в ее общих взглядах и результатах, посвящая им отдельные произведения, как, например, статьи о столетии Революции 1789 г., написанные Кропоткиным в 1889 году: «Великая Французская Революция и ее уроки», ««Великая Революция», «Век надежд», «1789—1889» и т. д. Теперь он постепенно стал изучать историю всего этого периода в целом и его понимание стало острее, благодаря тому, что параллельно развивались русские события. Эти параллельные сравнения не могли не возникать в его уме. Например «кадеты» и социал - демократы и жирондисты: группы и синдикаты — и старые французские секции. Короче говоря, подобно всякой истории старой революции, история, написанная Кропоткиным, также писалась под углом весьма суб'ективных взглядов. Иначе быть и не могло, раз историческая работа писалась в таких бурных условиях.

Кропоткин сделал все, что мог, чтобы его книга была точна в деталях, вследствие чего рукопись все более росла, пока первое французское издание «Великая Революция 1789—1793» не превратилась в об'емистый том из 749 стр. (1909).

Работоспособность Кропоткина, на протяжении многих лет бывшая почти безпредельной, в то время,к как его здоровье после выхода из русской тюрьмы (1876) было весьма хрупким, значительно ослабела в последние месяцы 1901. В письме от 12-го декабря того года он сообщает Джемсу Гильому.... «Сегодня исполнился ровно месяц с тех пор, как я едва не умер. Сердце почти совершенно остановилось. Это не был обморок — ни на секунду я не потерял сознания, и сказал Софии и Саше (моей маленькой дочери), что делать, но я чувствовал, что жизнь кончается. В течение часа сердце не

показывало ни малейших признаков биения. «Ангина пекторис» или, скорее, простое переутомление (я слишком много работал в течение семи-восьми месяцев, включая американскую поездку, т. е. курс там, в Бостоне (Русская литература) и затем доклады, утомившие меня до смерти: перед 4,000 и 5,000 человек. Об анархии! И инфлуэнца между Нью Йорком и Чикаго!»...

Таким образом, имея от роду 59 лет, он вынужден был сократить часы своей работы и отказаться от выступлений с платформы. Кроме того, хронический бронхит и обмороки от переутомления периодически превращали его в полного инвалида на много недель, пока ему, наконец, не было предписано врачами поехать на юг

Сначала он поехал на Лаго Маджиоре в апреле 1908 года, где он находился на попечении доктора Рафаэля Фридеберга, анархо - социалиста, специалиста по легочным болезням. Эти поездки привели его к встрече с Бертони, с его старыми женевскими товарищами, а также с друзьями и со многими французскими и русскими товарищами в Париже.

В годы, предшествовавшие 1905 году, а также в последующие годы многие русские посещали его в Бромлее, Лондоне и Брайтоне. Он наслаждался задушевной беседой с лицами очень различных убеждений. Он получал сведения с разных сторон о всех действиях социалистов, о крестьянских движениях и об ужасных преследованиях. О последних он довел до сведения общественного мнения путем книжки «Террор в России», впервые напечатанной 12-го июня 1909 года. Мы должны добавить сюда месяцы передышки в 1905—1906, когда он вполне был готов отправиться в Россию в любой день, но, тем не менее, вынужден был ожидать и, в конце концов, оставить мысль о поездке, так как реакция сделала ее невозможной.

Большую потерю времени вызвал пересмотр переводов его книг и брошюр, особенно русских. И лондонская русская анархическая газета, «Листки», «Хлеб и Воля» (с 30-го октября 1906 до 5 июля 1907, всего 18 номеров) также отняли у него много времени на обсуждение деталей издания, корреспонденцию, — гораздо больше времени, чем уходило на большие статьи, которые он писал. В конце концов, когда он вступил в полемику по вопросам дарвинизма, — 5 больших статей в журнале «19-ый век» (1910-1915) — то такое напряжение повлияло на его здоровье до крайности, так как для того, чтобы быть подготовленным к полемике с оппонентами, которые были специалистами по данным вопросам и ничем другим не занимались (Кропоткин говорил об этом в очень резких выражениях), старику приходилось заниматься изысканиями в библиотеках, что пожирало массу времени и т. д.

Таким образом, потеря времени происходила по многим причинам. Между прочим, время уходило и на такую работу, которую другие могли и должны были бы делать вместо него. Значительная часть этого потерянного времени уходила на полезные, но разбросанные работы (изучение подробностей народных движений), многое вредило здоровью и многое делалось по необходимости, чтобы заработать на жизнь. Иногда, однако, кажется, что Кропоткину не хватало силы оставить в стороне мелочи и сосредоточиться на большой работе, подобной «Этике», или на новом труде, каких он наметил несколько, например, опровержение индивидуалистических заблуждений, труд о лжеучениях марксизма и социал - демократии. Он также наметил издание нескольких, наново просмотренных и исправленных брошюр по образцу изданной на французском языке книги «Современная наука», к которой были добавлены перепечатки некоторых брошюр и несколько новых очерков. Кроме ранних своих брошюр, как, например, «Анархическая мораль», он имел в виду напечатать и дополнительные статьи или новый текст. Росс (М. П. Сажин) убедил его издать на русском языке избранные произведения Бакунина (для этого издания я имел несколько подробно разрабо-

тапных планов), но, в конце концов, он отказался от этого плана, который появился с быстротой метеора и затем исчез на долгие месяцы и который я назвал «Летающим Голланцем». Один том был опубликован Черкезовым в Лондоне, а позднее несколько томов были напечатаны издательской ргуппой «Голос Труда» в России.

Таково было отношение Кропоткина к событиям в России в 1905 году. Я только вкратце изложу его взгляды на основании письма, которое он послал большому лондонскому митингу в Уайтченеле 3-го ноября и которое было напечатано в «Фридом».

Необходимо настаивать на полной амнистии, на уводе гарнизонов из городов, на вооружении народа. Далее говорилось: «Не ждите ничего от самозванных спасителей, но на каждой фабрике, во дворе каждого здания, в каждой мастерской и в каждой шахте установите сами тот порядок вещей, который, по взаимному соглашению, вы найдете нужным установить. И помните вот что: не позволяйте другим вмешиваться, это ваше дело и вы должны его решить.

Совершите сами революцию в деле организации труда, как вы совершили ее в деле общего управления русским государством»...

Таково было его мнение о начале революционного периода, о правильном способе положить начало новому времени — прямое действие, самостоятельность, гарантии против старой власти и недопущение какой бы то ни было новой власти.

М. НЕТТЛАУ.

ИМПЕРИАТРИЦА и АНАРХИСТ

Из цикла: «Меч и Крест Террора».

Тому, кто говорит, что ненависть не порождает любви, скажите, что любовь часто порождает ненависть.

АНРИ.

Они друг для друга то-же, что жгучий яд, попадающий человеку в глаза.

БИРМАНСКАЯ ПОГОВОРКА.

Две светлых, две прекрасных тени
Сошлись у грани Бытия:
Елизавета и Луккени —
Царица Скорби, Сын Труда.
Судьба толкала не случайно
Их на желанный эшафот;
Она любила нежно Гейне,
Он свято чтил родной народ.
Она томилась и грустила,
Уйдя в мечтанья о былом:
А в нем кипели Жизни Силы,
Горя губительным огнем.
И неизбежное свершилось:
Вздохнула жертва, вздрогнул лев;
В очах царицы Скорбь светилась,
В глазах Луккени вспыхнул гнев,
И он воскликнул: «Смерть царице!»
Народом проклят царский дом!
Пусть в женском сердце скорбь таится,
Кинжал не ведает о том.
Глупцы кричат: «Злодей Луккени!»
Но я твержу: «Не виноват!»
Не мог пророк народных мщений
Царицу Скорбную понять.
Народ, прости Елизавете,
Сумей Луккени оправдать!
По воле рока эти дети
Вкушали жизни горький яд.
Императрица в блеске славы
Молилась, плача о былом,
А анархист горел, как лава,
В борьбе великой с властью—злом.
Кто верит в искупленье--тайну,
Тот смысл трагедии поймет:
Две жертвы власти не случайно
Взошли на общий эшафот,
И смерть на век раз'единила
Два разно-любящих сердца:
Елизавету ждет могила,
Луккени приняла тюрьма.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

Об анархизме и его осуществимости

Еще с самого начала XX столетия (1901 г.) один из виднейших, далеко не понятый, апостолов анархизма, Л. Н. Толстой писал: «Анархизм входит теперь в ту фазу развития, в которой был социализм 50 лет тому назад, он приобретает право гражданства в ученом мире». И ныне, действительно, ни один ученый, будь то социолог, экономист или просто публицист не в состоянии обойти в своих работах молчанием вопроса об анархизме. Так или иначе, прямо или косвенно каждый из них касается в своих исследованиях явлений социальной жизни и идей анархизма. Другой вопрос, конечно, что эти ученые и публицисты говорят и как говорят об анархизме?

В большинстве случаев их исследование идей анархизма сводится к далеко не безпристрастной критике, к неправдоподобным, или точнее, к ложным выводам. Так, по крайней мере, было до сих пор и так будет, конечно, еще долго.

Если вы, безпристрастный, просто любознательный читатель, пожелаете познакомиться и разобраться в этой «ученой критике», если вы, выражаясь образно, приоткроете на миг двери «ученого мира», где вот уже 6-ой десяток лет анархизм «приобретает право гражданства», то вы услышите такой разноголосый концерт, такой базарный шум, в котором вам едва удастся разобраться и получить ответ на свой вопрос—что такое по существу анархизм? Познакомтесь с мнением, критикой и выводами об анархизме Адлера, Бернштейна, Бернацкого, Бухарина, Гарро, Кульчицкого, Ломброзо, Плеханова, Преображенского, Райсберга, Штамлера, Ященко и других представителей и диллетантов социальных и экономических наук, и вы не найдете среди этих «безпристрастных мужей науки и ее любителей» двух, мыслящих, понимающих и представляющих себе анархизм и его основные идеи одинаково и хоть мало-мальски правильно. Каждый из них толкует анархизм так, как ему больше всего «по душе», пристрастно - суб'ективно, а не, как требует наука, беспристрастно - об'ективно, и каждый из них в конце концов считает долгом своей «ученой совести и чести» ущипнуть, а то и просто лягнуть анархизм.

Но почему же все это так?.. Куда девается об'ективность и безпристрастность ученых, всегда осторожных в своих исследованиях и утверждениях, не рискующих, например, определенно утверждать каково точное количество простых элементов, указывающих, что категорическое утверждение «дважды два — четыре» неправильно, ибо «дважды - два приблизительно четыре», в высшей степени осторожных при исследованиях устройства пищеварительного аппарата или иного какого-нибудь органа, у букашки, мушки или у какой нибудь амебы, — куда девается, повторяю, вся об'ективность и осторожность ученых при исследовании сущности анархизма или той или иной его идеи? В чем причины этого, по меньшей степени, ненормального явления?

Причин здесь, конечно, как и во всяком явлении, много. (Говорю о ближайших причинах), но я остановлюсь только на двух, являющихся, по моему, главными, или точнее, одними из главных.

Первая причина заключается в том, что знакомство ученых исследователей с материалами по анархизму преимущественно происходит не непосредственно, из первых, так сказать, источников, а при посредстве различных «об'ективных» изложений, сделанных ранее разными и далеко не об'ективно относящимися к анархизму, их предшественниками — учеными и публицистами - любителями. Непосредственное знакомство с анархистическим материалом очень затруднительно, а иногда прямо таки невозможно, благодаря тем гонениям, которым подвергается анархизм со стороны разных официальных и неофициальных представителей власти.

«Наука еще не успела заняться изучением идей анархизма, говорит Гект. Цоколи, когда государство и мелкая политика наложили на них свои железные цепи. И государство и политика стремятся к подавлению и уничтожению первых зародышей идеологии анархизма, в котором они видели общественное зло, а не к изучению причин, породивших его возникновение.

И как результат всего этого, почти все произведения, написанные более чем на двадцати различных языках и появившиеся более чем в тридцати разных странах, буквально поглощены, и вышли из употребления то благодаря полицейским преследованиям, то вследствие своего назначения для пропаганды.

Самые богатые библиотеки относятся к анархистской литературе со странным пренебрежением, а среди самих пропагандистов анархизма коллекционеров не существует, так как они почти все обречены на крайнюю нужду, ссылку и тюремное заключение» (Неттлау).

Лучшим доказательством только что высказанного служит современное нам положение анархизма в России.

Ничто, кажется, не преследовалось и не будет преследоваться с таким ожесточением и остервенением, как преследуются анархизм и его сторонники анархисты со стороны пьяных, пьяных и от вина и крови,. агентов государства. Но несмотря на все преследования, каким подвергался анархизм, он все больше и больше завоевывает себе симпатии, все сильнее и глубже проникает в сознание пробуждающегося человека.

Вторая причина состоит в том, что большинство, если не все, представители из ученого лагеря стоят по ту сторону анархизма, в стане государственников, и стоят не только, так сказать,, физически, об'ективно материально, но главным образом идеологически, суб'ективно, психологически.

Государственность так пронизала их психику, что им, даже при самом искреннем их желании, очень трудно быть об'ективными при изложении антигосударственных идей анархизма. Государственнические предразсудки глубоко вкоренились в их существо: государство для них существует так же, как для религиозно-верующего человека существует бог. Всякому же должно быть ясно, что религиозно-верующий человек при изложении или критике атеизма (отрицание Бога) никогда не сможет быть беспристрастным, об'ективным в полном смысле этих двух слов.

Таковы вкратце те две причины, которые являются, по моему, главным препятствием об'ективного изследования, критики и изложения анархизма для представителей ученого мира.

Но если положение анархизма в ученом мире так печально, то среди другой части общества, среди так называемых, широких масс, дело обстоит гораздо хуже. Хотя там анархизм с еще большей стремительностью, быстротой и силой приобретает себе «право гражданства», понятия и представления о нем там еще более неправильно наивны, а порой прямо таки уродливы.

Анархизм среди широких кругов населения — синоним безпорядка, грабежей, убийств. и насилия вообще — это с одной стороны; с другой стороны, анархизм это — утопия, романтизм, несбыточная фантазия, мечты больных людей и т. п. Для одних анархисты — исчадие ада, преступники, просто бандиты, для других — наивные утописты, мечтатели - идеалисты, романтики, чудаки, неумеющие понять сущности реального бытия, земной, так сказать, не небесной жизни, предельной осуществимости идеала этой земной жизни и т. д., не умеющие, иначе говоря, различать то, что есть и что может быть от того, что желательно, но что не может быть, что не осуществимо.

Так ли это?

Нет, далеко не так, как мы увидим это ниже.

Откуда же тогда эти противоречивые мнения об анархизме и анархистах?

Где и в чем причина этой разного

досицы, этих ложных понятий об анархизме?

И здесь опят таки, по моему, можно усмотреть две главных ближайших причины.

Первая — темнота масс вообще и русских масс в особенности. Останавливаться долго на этой причине нечего: теперь уже всякому здравомыслящему человеку, свободному от всяких внешних ложных авторитетов и предразсудков, ясно, причина всех уродливых явлений социальной, общественной жизни кроется, главным образом, в темноте, окружающей человека, в его невежестве, область которого даже и теперь в 20-м веке, веке пара и электричества, еще очень и очень обширна.

Вторая причина кроется в том, что пропаганда и популяризация идей анархизма попала в руки его врагов. На книжном рынке, периодической и повременной печати можно встретить сотни и тысячи брошюр и статей об и по анархизму. Десятки и даже сотни лекторов и докладчиков читают везде и повсюду на ту же тему. Причем вся эта пропаганда и популяризация ведется почти исключительно разными государственными (партийными, безпартийными) «дельцами», явными или тайными, сознательными или безсознательными, врагами анархизма. Каждый такой пропагандист и популяризатор освещает, конечно, анархизм с совей государственной точки зрения, а если он «партийный», то кроме того, с точки зрения своей колокольни - партии. К чему может привести такая пропаганда и популяризация анархизма, всякому, не мудрствующему лукаво, должно быть ясно.

Бороться с этими «друзьями» анархизма, анархистам очень трудно. Всякое устное или письменное слово анархистов душится государственной властью, усматривающей не без основания в правдивом слове анархистов как и в самих анархистах своего самого опасного и непримиримого врага. Лекции, беседы, доклады, клубы, читальни, газеты, журналы, литература вообще — все то, что служит средством пропаганды и агитации анархистам своих идей, — все это везде и всюду во все времена существования государства подвергалось гонениям и преследованиям, кончающимся в лучшем для анархистов случае разгромом и тюрьмой, в худшем — пыткой и смертной казнью. И «Так было и так будет» до тех пор, пока будет существовать какая бы то ни была государственная форма общежития.

Мы, анархисты, это прекрасно знаем, но нас это не пугает и не разочаровывает в нашей борьбе-работе. Наоборот, отношение к анархизму и анархистам лишь сильнее и прочнее утверждает нас в том, что истина на нашей стороне. Мы помним и знаем, что истина всегда была гонима, что прежде, чем стать всеобщей, ее нужно было выстрадать человечеству, что на своем пути к признанию она требует жертв.

Но не только мы это знаем, знают это прекрасно также и те, кто нас гонит, как знают прекрасно они также и то, что своей «правды» штыками и пулями им все равно не доказать, ибо никто никогда с каких пор существует человечество, не мог доказать таким путем своей истины.

На штыках можно подняться, но усидеть на штыках невозможно: они — остры, проколоть могут.

Но все равно рано или поздно победим все таки мы, победят идеи анархизма. Теперь же скажу словами Декама: «Одной головой анархиста больше или меньше, какое это имеет значение? Это не помешает анархизму распространяться»

Но оставим жизни решить на чьей стороне правда и перейдем ближе к вопросу, интересующему нас в данный момент: кто же такие анархисты?

Выше я уже говорил, что как ни разнообразны, как ни различны мнения об анархистах среди масс, их все таки можно свести к двум основным категориям: одни смотрят на анархистов как на зло, как на чертей, как на разбойников, грабителей, преступников, бандитов; другие ви-

дят в них фантазеров, мечтателей - идеалистов, романтиков, утопистов и просто больных людей.

Задача этой моей работы доказать, что анархисты не то и не другое, что они не ангелы и не черти, что они самые обыкновенные смертные со всеми присущими последним достоинствами и недостатками, что анархизм не утопизм и не бандитизм, а реальный прогресс человечества, эволюция общественной жизни, что анархизм — философия пробудившегося от долгого вечного рабства — человека, не желающего более терпеть над собой какое то бы ни было социальное ярмо, будь-то ярмо политическое, экономическое или духовное.

Человек после многовековой борьбы вышел наконец «из животного рабства и, пройдя через божественное рабство, — переходное состояние между его животностью и человечностью, — находится теперь на пути к завоеванию и осуществлению человеческой свободы». И этот человек — анархист, а его мировоззрение, его идеология, стремления его души — анархизм.

Б. СТОЯНОВ.

Роль идей в общественной жизни

Каждая эпоха имеет свои верования, свои суеверия, свои фанатизмы, которые доминируют в человеческой и общественной жизни и оказывают влияние на активность большинства людей. Имеет их и наша эпоха. Несмотря на весь прогресс в области науки и техники, люди не очень много прогрессировали духовно и нравственно. Слепая вера в какого то создателя, управляющего миром и людьми по своей прихоти и капризу, религия, с ее глупыми и детскими обрядами все еще преобладают в жизни. Но и те, кто перестали верить в сверх'естественные чудеса, продолжают верить и пропагандировать библейский принцип монизма и фаталистическое понимание развития человечества, заменив священную божественную силу другой, не менее священной, силой эволюционного предопределения и исторической необходимости.

Наука ввела упрщоение в свои методы, чтобы можно было лучше классифицировать и более успешно изучать предметы, явления и события, что очень полезно и нужно науке. Но это упрощение привело только к тому, что многие начали упрощать самую жизнь и сводить все ее начало и развитие к упрощенному и необоснованному монизму. Вся разница между ними состоит в том, что вместо идеи единого Бога, непогрешимого и всесильного и который присущ во всем и находится над всем, поставили идею материалистической и исторической эволюции, которая так же, как и Бог, управляет прогрессом человечества и которая является единственной силой, которая разрешит все проблемы личной и общественной жизни человека.

Согласно идее исторического материализма человек есть не больше как продукт той экономической среды, в которой он живет и не имеет собственной духовной жизни, ни личной морали., воли и инициативы. Человек подчинен материальным силам, которые его окружают и которые определяют его общественное состояние, его личность, его духовное и нравственное содержание. И в результате получается, что человеческие создания стоят больше, чем сами люди, а экономика и техника стоят выше людей, которые их создают и производят.

Вот почему для многих людей уничтожение нескольких картин Лувенского музея, бомбардировка Реймского Собора, потопление парохода Лузитании, разрушение любого человеческого создания имеют большее значение, чем уничтожение миллионов человеческих жизней, возмущает больше их чувства и их дух возмущения, чем избиение мужчин и женщин, стариков и детей, которые носят в себе неисчислимые и безконечные умственные и духовные богатства, неизмеримые научные, артистиче-

ские и технические возможности и богатейшие разрушительные и творческие способности.

Сколько Толстых, сколько Бетховенов, сколько Реклю, сколько Кропоткиных, Пастеров, Эдисонов и Маркони в потенции было уничтожено, избито и вырезано в каждой войне и сколько гениальных жизней уничтожаются ежедневно в существующем ненормальном обществе. На каждого Эйнштейна или Ганди, которые выдвигаются и взбираются на вершину жизни, сколько гениев и талантов задушиваются невежеством и человеческим зверством и коверкаются и истребляются зверьем в человеческом образе, вроде Кромвелей, Наполеонов, Муссолини, Гитлеров, Сталиных, или фанатиками, вроде Робеспьеров, Сен-Жюстов, Лениных, Троцких.

Несмотря на все успехи техники и прогресс науки, человек все еще продолжает быть рабом своих идей, своих работ, своих созданий. Единственная разница заключается в том, что раньше людьми владела идея сверх'естественного существа, т. н. Бога или богов, в то время как теперь ими владеет идея превосходства материи и экономики над духом и волей человеческой. Теперь, как и раньше, человеком владеет идея. Ибо вместо того, чтобы владеть идеей, располагать и управлять ею по своей воле, чтобы идеи давали направление и содержание его действиям и выражениям, человек все еще продолжает быть рабом своих собственных измышлений и созданий.

Все это происходит потому, что идеи суть силы, которые движут душами и направляют воли человеческие к действию и самопроявлению, вплоть до самого крайнего самопожертвования.

Часто идеи ведут к ненависти, к борьбе, к разрушению и к взаимному истреблению, но немало раз ведут к борьбе за всеобщее благосостояние, за всеобщее освобождение, за общественную гармонию и за человеческий прогресс: ведут к посеву знаний, сознания, любви и благородных чувств, возвышенной и высоко-нравственной морали и полезных для всего человечества исканий и стремлений.

Истинная история человечества есть в действительности история идей и идеалов, которые люди старались превратить или превратили в действительонсть и реальность.

**
*

Это понятие о роли и значении в жизни людей идей — старо как мир. Но идеи, как все в мире, зарождаются, растут, цветут и умирают; часто стареют, чахнут, становятся безполезными и даже вредными. Особенно ,если не соответствуют эпохе. Тогда люди разочаровываются в идеях и бросаются на действие без идей, пока не выплывают идеи новые, которые лучше соответствуют эпохе и прогрессу.

Часто эти искания новых идей ведут к улучшению человеческих пониманий и к ускоренному прогрессу, но иногда ведут к полной дезориентации и к регрессу.

Многие часто смешивают идеи с их носителями, которые суть не больше, как носители и пропагандисты этих идей и могут ошибаться или неправильно действовать. Поэтому разочарование в проповедниках идей, часто ведет к разочарованию в самых идеях. По этой же причине, люди часто в своих исканиях совершают простое изменение названий идей, не вдумываясь в само содержание идей и вещей. Случается оно еще также и потому, что слепая вера все еще крепко сидит в людях; потому что люди все еще не освободились от самих себя, и все еще продолжают быть рабами идей и вещей.

Потому что люди все еще не превратились в хозяев своих актов, и их идеи все еще священные силы, которые их превращают в своих рабов.

Чтобы освободиться от такого рабства необходимо, чтобы человек владел своими идеями и научился управлять своими действиями и чувствами. Но это возможно будет только тогда, когда человек будет иметь нужные для этого знания и сознание и будет одержим благородными чувствами и возвышенным духом.

**
*

Чтобы в человеческих обществах про-

цветала свобода и преобладало всеобщее довольство, недостаточно, чтобы люди разрушили государство, церковь, капитализм и уничтожили принуждение и насилие. Необходимо прежде всего, чтобы люди перестали быть рабами самих себя, своих верований, своих предразсудков, своих идей и своих созданий. Потому что свобода человека зависит больше всего от своего собственного духовного, морального и идейного освобождения, чем от свобод, которые можно получить от власть имущих и правителей.

Для духовного и нравственного раба политическая, экономическая или социальная свобода имеет малую реальную и действительную ценность. Потому что — больше раб своих собственных понятий и идей, чем каких бы то ни было из тех физических сил, которые его угнетают.

Рабочие, которые принимают участие в католическом конгрессе, собравшемся в Буэнос Айресе, делают это не по принуждению правителей, а потому, что они все еще — духовные рабы слепой веры и религиозной идеи. И нужно признать, что большинство трудящихся, несмотря на их участие в синдикальной и экономической борьбе, все еще продолжают быть идолопоклонниками, верующими и невеждами.

Громаднейший аэроплан летает сейчас над городом как символ человеческой способности подыматься на небеса и согнать оттуда богов на землю. Но люди, несмотря на все это, все еще продолжают стоять на коленях перед иконами и перед кучей дерева в форме креста.

Голос римского папы слышится из Рима по улицам Буэнос Айреса благодаря «чудесам» науки и техники, но люди все еще продолжают верить в священные чудеса, в священность образов и в существование диаволов и ангелов, которые заселяют ад и рай.

Невежды и лицемеры, люди, человеческие массы, продолжают верить в чудеса, в святых, в таинства и в богов, которых себе воображают по своему образу и подобию, ибо в действительности не боги создали человека, а человек создал себе бога по своему образу и подобию, вдунул в него свой человеческий дух и наделил его всеми своими качествами и недостатками.

Люди хотят знать почему они существуют, откуда пришли и куда идут: почему они живут и для чего живут. Но вместо того, чтобы работать над раскрытием этих тайн, они вцепились за какие то детские сказки и предпочитают жить во мраке какой нибудь слепой веры, чем при полном ярком свете какой нибудь логической и прогрессивной идеи, — убивая всякую инициативу, имеющую своей целью осветить некоторые из этих жизненных для человека проблем. И вместо того, чтобы отдаться созиданию всеобщего благосостояния и максимальной свободы для всех людей, что в свою очередь могло также помочь выяснению целого ряда других «идей», люди предаются молитвам, поклонениям, грешению и молению о прощении грехов у какой то никому неизвестной силы, которой они не знают, и кто знает, существует ли она вообще. Ибо идея Бога все еще владеет миром.

***

Но что еще печальнее и ужаснее, это-то, что именно угнетенные являются в большинстве случаев самыми ярыми и закоренелыми защитниками церкви, государства, капитала и всех существующих зол. Что именно угнетенные воспротивляются, по большей части, какому бы то ни было коренному изменению в человеческих и общественных взаимоотношениях. И что даже когда они кричат долой кого нибудь, они почти всегда добавляют да здравствует кто нибудь—будет ли это король, герой или партия — безразлично. Они сами не думают перестраивать свою жизнь, а все полагаются на кого нибудь, на какую нибудь власть. А ведь именно угнетенные суть первые, кто страдают от власти и государственных порядков и они будут первые кто получит пользу от радикального изменения форм владения и социальных, экономических и личных взаимоотношений.

По невежеству или лицемерию, или благодаря ложным идеям, которые они ис-

ведуют, но именно угнетенные являются теми, которые употребляют насилие и выполняют непосредственно приказы о физическом, телесном, нравственном и духовном насилии над себе подобными.

Угнетенные составляют войска, полицию, разного рода организации охраны порядка, тюремщиков, общественных рабочих и служащих. Это—обездоленные работают казенными учителями, убивающими души детей, чиновниками, помогающими грабить обездоленных. Это — трудящиеся истребляют себя взаимно и убивают стариков и детей на войнах: это обездоленные защищают капиталистов и их накопленные богатства. Это нищие, поддерживающие незыблемость государства истребляют всех, кто осмеливается возмущаться против угнетения и несправедливостей. Если бы угнетенные и обездоленные не защищали, не служили, не помогали власть имущим и богачам, государство и капитализм не смогли бы просуществовать и одного дня. Как это ни странно, но угнетение существует благодаря самим угнетенным. И в день, когда угнетенные откажутся служить орудием угнетения, существующий общественно-государственный строй рухнет сам по себе.

Существование государства и частной собственности возможно потому, главным образом, что большинство людей умственно, духовно и нравственно все еще ничем не отличаются от попов, от буржуев, от властвующих, потому что люди все еще живут стремлением к властвованию и владению; обладают тем же авторитарным духом и тем же уважением права более сильного, более способного, наиболее безстыдного и нахального, имеют ту же мораль, ту же веру, что и привилегированные и правители, и верят что они имеют право на власть, на руководство, на насилие, на эксплоатацию, принуждение и подчинение людей своей воле, своим желаниям и своим капризам.

Верующий рабочий из союза католиков во многом отличается от священника в своем фанатизме, рабочий, стремящийся стать хозяином, ничем не отличается от буржуа, а ведь немало имеется рабочих, стремящихся занять место хозяина и заставить других рабочих работать на них и жить от чужого труда; и почти все рабочие, принимающие участие в политических партиях и рабочих организациях, стремятся занять какое нибудь руководящее место, или, по крайней мере, важный пост в правительственной машине страны и управлять своими согражданами по своим идеям, взглядам, желаниям и капризам. Это — рабочий, это — обездоленный, кто больше всего выполняет физическое насилие и принуждение, будь это во имя Бога, нации или государства, социализма, коммунизма или анархизма — окончательно без различно. Это — рабочий строит тюрьмы и виселицы, это рабочий возит других рабочих в арестантских автомобилях, это рабочий служит полицейским и тюремщиком; это рабочий убивает и разстреливает другого рабочего. Ни один буржуй, ни один правитель этого не делают, а только труженики и обездоленные.

Как это ни больно, но это — реальная действительность, и ее должно знать и изучать, стараясь, чтобы трудящиеся перестали быть палачами трудящихся и чтобы насилие и принуждение исчезли из человеческих общежитий и были заменены взаимопомощью, терпимостью и любовью.

Особенно же необходимо, чтобы изменилось понимание жизни людьми, их поведение, их идеи и их стремления.

Также необходимо, чтобы рабочий перестал кичиться тем, что он рабочий. Потому что так же, как раньше было противно слушать, когда привилегированный хвастался своей знатностью или богатством, также противно слушать, когда трудящийся хвастается тем, что он рабочий. Ибо важно не то, от кого родился или где родился человек, чем владеет и какое ремесло имеет, а то, что он сам собой представляет, какова его моральная и духовная личность, каковы его идеи, его поведение, его активность и его взаимоотношение к себе подобным.

Прогресс совершается людьми идей благородных и нравственно-возвышенных, а не невеждами и обскурантами, хотя бы они обладали богатствами или властью. Ценность человека в жизни зависит от его моральных, духовных и идеологических условий, а не от его рождения, или его экономического и социального положения.

Значение идей в общественной жизни — бесспорно и неоценимо. Даже в «библиях» описание сотворения мира, по большей части, начинается словами: «В начале бе слово», то есть идея.

Понимание того, что предшествует действию отражается очень часто во всех древних писаниях. И реальная жизнь на каждом шагу подтверждает, что идея предшествует действию.

В одном из древних писаний разсказывается, что однажды видный мыслитель захотел отыскать самую лучшую вещь в мире, для чего привез своего лучшего последователя и попросил принести ему это.

Последователь принес ему язык. Мыслитель принял язык и поблагодарил своего последователя, ибо действительно языком можно сделать самые лучшие вещи в мире.

Через некоторое время мыслитель позвал того же последователя и попросил принести ему самую худшую вещь в мире. И он принес ему опять язык.

Заинтересованный мыслитель попросил своего последователя об'яснить ему как это возможно, чтобы одна и та же вещь была самой лучшей и самой худшей в одно и то же время.

Языком, об'яснил последователь, человек излагает идеи и мысли самые прекрасные и возвышенные и самые подлые и низкие, взгляды самые лучшие и самые худшие. Языком можно сеять красоту, счастье и всеобщее благосостояние, можно сделать, чтобы жизнь цвела, можно будить в людях их лучшие инстинкты, их самые здоровые чувства, мысли и стремления. Но тем же языком можно также излагать и пропагандировать идеи самые вредные и самые пагубные, затемнять человеческий ум и пробуждать и возбуждать в людях их наихудшие чувства и инстинкты; заставить цвести ненависть, преступление и насилие, убить все лучшее в человеке и превратить его в самого гнусного и отвратительного зверя.

От языка человека, от идей, которые он проповедует, от взглядов, которые он выражает, зависят жизнь и смерть, благо и зло, счастье и несчастье человека и человечества.

И оно действительно так. Идеи это —силы, которые порождают добро и зло, лучшее и худшее, что творится человеком. Идея всеобщего благосостояния породила стремление к освобождению и к эмансипации людей от ига насилия и эксплоатации. Идея права более сильного зародила презрение к человеческой жизни, пробудила стремление овладеть правом на насилие в интересах отдельных лиц, групп, общественных слоев, каст и классов. Эти идеи суть последствия абсолютистских взглядов церкви и государства, которые владели миром в течение более тысячи лет, и которые ведут их последователей, часто честных и искренних, к совершению всякого рода преступлений, употреблению всех средств, даже самых отвратительных, для достижения целей, к которым они стремятся.

Коммунисты в России искореняют анархистов, социалистов, синдикалистов и вплоть до коммунистов из оппозиции, потому что руководствуются идеей, согласно которой цель оправдывает средства. Социал - демократы вырезали анархистов, синдикалистов, коммунистов в Германии, Венгрии, Испании, потому что одержаны идеей неизбежности существования капитализма пока в силу исторической необходимости не исчезнет и не будет заменен диктатурой пролетариата. А пока организованное насилие — государство — хотя бы оно и находилось в руках социал-демократов, должно быть поставлено на службу капитализму для защиты его интересов.

Действиями людей в их индивидуальной и общественной жизни и активности, всегда руководили идеи и убеждения. Но в то время, когда одни, руководимые любо

вью идеями добра, жертвовали собой, умирали медленной смертью для всеобщего благосостояния и предпочитали отдавать по капле свою кровь лишь бы не пролилась ни одна капля крови других людей и исчезли бы страдания, голод, холод и нищета из общественных сожительств людей, имеются люди, которые во имя всеобщего добра пропагандируют смерть и разрушение, восстанавливают виселицы, разстрелы, эшафоты и ауто-да-фе инквизиции, проповедуют презрение к человеческой жизни, превозносят право более сильного на власть и управление судьбою человечества по своему желанию и воображению и располагать жизнью людей по совему желанию и воле.

Обскурантские и людоедские идеи фанатизируют в настоящее время большие человеческие массы и толкают их действовать без всякого сожаления и уничтожать все лучшее, что было создано человечеством в течение веков и веков. Одни во имя благосостояния пролетариата, другие во имя избранной нации, третьи во имя фантастической расы со светлыми волосами и голубыми глазами и т. д.

Идея, всегда какая нибудь идея, правит судьбою человечества и толкает человека действовать для благосостояния и для прогрессивного развития человечества. Идея, всегда идея, толкает многих действовать во вред интересам широких человеечских масс, и в пользу регресса и реакции. Одних идея ведет к борьбе за свободу и благосостояние всех. Других идея ведет к насаждению топора - головорубителя, ужасных застенков, зверских насилий, убийств, избиений детей, женщин и стариков, как это делали во все времена идолопоклонники во имя своих богов.

В человеческих обществах, руководящихся подобными идеями, убийца занимает место учителя, палач замещает ученого, сквернословящий место поэта, гильотина занимает место спасительного ланцета, варварство место культуры, невежество занимает место мудрости; грубиян занимает место доброго человека, негодяй занимает место гения, общественное разложение занимает место человеческого братства, ненависть занимает место взаимопомощи, зверь замещает человека благородных чувств и нравственно - возвышенных идей.

***

Особенно важно значение идей в моменты народных возмущений. И особенно в период социальной революции, которая надвигается невероятно быстро.

Семья ,религия, право частной собственности, святость институций, вплоть до самого общества разрушаются самими привилегированными, и разлагаются под сапогом и топором зверей в человеческом образе во всех странах мира. Единственная сила, которая сейчас действует в человеческой жизни, это — грубая физическая сила без маски на притворство.

Разложение старых общественных сил, старых человеческих ценностей — полное. Общество потрясено в его самых основах и фундаментах. И малейший прогрессивный и гуманитарный ветерок превратится неизбежно в бурю, которая разрушит все общественное здание, которое держится на силе штыков и на палачах, и откроет свободный путь и широкое поле для созидания нового и улчшего бщества, где будут цвести гуманитарные идеи, благродные взгляды и прогрессивные и полезные для человека и человечества активности. И создадутся тогда сожительства людей свободных и добровольно об'единившихся, где будут преобладать идеи всеобщего благосостояния, и стремление создать мир новый, лучший, свободный всеобщего благосостояния и любви.

Но для того, чтобы все это было возможно и осуществимо, необходимо сеять идеи соответствующие этим стремлениям. Зло не может породить добра. И противочеловеческие идеи насилия и ненависти не могут породить или создать ни всеобщего благополучия, ни свободного человека.

Социальная революция ничего общего не имеет с уличной борьбой, как бы кровопролитна она ни была. Еще меньше сдва, простая перемена людей у власти, или переход богатств из рук одних в

руки других.

Малое значение имеет также, кто будет иметь власть в своих руках, или кто будет насиловать людей или владеть богатствами, или как власть будет именовать себя и во имя кого будет властвовать. Ибо малую важность имеет кто будет держать кнут в своих руках и во имя чего будут стегать людей, и кто будет их лишать права на жизнь.

Социальная революция — как ее понимают анархисты — есть что то большее, чем ряд возстаний и много большее, чем гражданская война или перемена правителя, как это было до сих пор.

Социальная революция, это — период разрушения институций государства и капитализма, период разложения и разрушения всего того, что до этого времени считалось незыблемой основой политической, экономической, религиозной и социальной жизни, период полного изменения идей и понятий.

Социальная революция, это — период зарождения и роста новых взглядов на права человека, которые массы превращают в реальность, в жизненную практику и которая охватывает всех людей; это — период создания новых лозунгов, которые оставляются в наследство подростающим поколениям; период, когда выдвигаются новые проблемы, создаются новые науки и дается новое направление всему политическому, экономическому, социальному, духовному и моральному развитию человечества.

Социальная революция внесет изменения во все области человеческой жизни, охватит все человеческие и общественные проблемы. И все это будет реализовано самими человеческими массами повместно. Никакой руководящий центр, никакие политические или экономические перемены, не смогут разрешить эти проблемы. Никакая кровавая борьба, никакая перемена правителей или изменение институций не смогут привести к созданию свободного общества людей.

Только сами человеческие массы, оплодотворенные гуманитарными идеями, действующие под влиянием благородных и высоко - нравственных стремлений, движимые уважением к человеку и любовью ко всем людям смогут осуществить такие коренные перемены, какие преследует социальная свободническая революция.

**
*

Народное недовольство разлилось широкой волной по всему миру. Но не всякое народное недовольство, ни даже возмущение, брожение или возстание сами по себе прогрессивные, не смогут вести к социальной революции. Для того, чтобы недовольство или даже революция народная превратилась в революцию социальную неизбежно необходимо, чтобы массы имели в потенции идеи и понятия, которые смогли бы дать человеческое и прогрессивное значение и содержание их разрушительным актам и жизненную активность их идеализму, который бы вылился в плодотворную, благородную и полезную для человека и человечества активность и глубоконравственное социальное творчество.

А для этого необходимо, чтобы массы были сознательны, идейно подготовлены и знали, что нужно разрушить, как разрушить и для чего разрушить и чтобы, в то же время, желали творить, строить что нибудь новое, лучшее и более прогрессивное и полезное для всех людей. Чтобы в своих действиях массы руководились идеями благородными и стремлениями морально-возвышенными, чтобы конечной целью их активности было создание человеческой личности интегрально - развитой и человечества более благородного, более человечного и более счастливого. Тогда новые человеческие сожительства будут свободными, добровольными, базирующимися на взаимопомощи, солидарности, терпимости, доброй воле и любви.

Потому что по своей сущности социальная революция будет не больше, как равнодействующая идей и активности всех, кто в ней будет принимать участие.

Чтобы революция была наиболее плодотворной и наименее кровопролитной и принесла бы как можно меньше страданий людям, необходимо, чтобы идеи, которые

будут руководить активностью человека и человечества, были как можно более нравственно-возвышенными; чтобы они были глубоко проникнуты человеческими и прогрессивными чувствами и чтобы оплодотворяли людей в их практических действиях и в их индивидуальных и социальных взаимоотношениях.

Тогда, и только тогда, когда идеи суть силы благородные, здоровые и помогают людям в их активности, не превращая их в рабов, они имеют неоценимое значение для социальной и индивидуальной жизни, и играют прогрессивную и полезную роль в активности и творчестве людей.

Но для того, чтобы идеи были плодотворны, расцветали бы, давали здоровые и длительные плоды и имели бы человеческую и социальную ценность, они должны иметь глубоко моральное и человеческое содержание. В противном случае, они способны превратиться в опасный яд для человеческой личности и в палачей для коллективной и социальной жизни.

Анатолий Горелик.

Буэнос Айрес.
Октябрь 1934 г.

ПУТЬ К АНАРХИЗМУ *)

Всякой идее или теории, имеющей политическое и социальное значение, приходится, раньше или позже, в процессе своего развития, пройти известный пробный экзамен. Такой экзамен прошла идея власти и, понятно, не выдержала его. Вера, что сила — право, что власть—прогрессивный фактор в социальной жизни, что диктатура может принести свободу и счастье — эта вера не выдержала испытания и обанкротилась политически и морально. И банкротство этой веры показывает, с одной стороны, что посредством власти и диктатуры нельзя прийти к свободе и социализму, а с другой, — что путь к действительной свободе — путь к анархизму лежит через социальную революцию к безвластию.

История человечества вообще и рабочего движения разных стран в особенности убеждает нас в том, что никакое государство в мире, независимо от его формы и названия, никогда не выступало в роли освободителя людей от цепей рабства. Напротив, история учит нас, что все государства и властители всегда эксплоатируют и насилуют трудовые классы в интересах своего собственного господства, навязывая свою волю как отдельным группам людей, так и целым народам. История также учит нас, что власть портит всякого человека. Эта анархическая аксиома, которую не раз повторяли лучшие мыслители и борцы России, как Бакунин, Кропоткин и Толстой, наглядно выявилась в исторической жизни русского трудового народа: власть князей и царей, власть временного правительства Керенского и власть большевиков — все они символ порабощения народа. Во имя власти всегда совершались и теперь совершаются самые худшие беззакония, жестокости и несправедливости. И всякое правительство, в том числе и большевицкое, всегда и непреклонно преследует двуединую цель: защиту и укрепление власти.

«Выгоды» и «прелести» теперешнего большевицкого режима в России довели рабочих и крестьян до состояния постоянного, хотя и молчаливого недовольства, и в глубине народа намечается в настоящее время движение борьбы против основ большевицкого режима. Это недовольство надо поддержать, расширить и заострить. Надо пробуждать волю трудящихся к самодеятельности и свободной жизни. Обманутые большевиками рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция должны выставить общий фронт борьбы против жестоких властителей большевиков. И все это приводит нас к выводу о необходимости новой революции и установлении более свободного строя жизни.

*) Глава из неизданной брошюры Л. Липоткина: «Теория и ревизия анархизма».

Каков же тот путь, идя по которому анархисты могут добиться своей конечной цели?

Мы знаем, что социальная организация современного буржуазного общества с ее антагонизмом классовых интересов устроена неразумно, несправедливо и держится на власти и насилии. Наряду с небольшим классом богатых, живущих в довольстве и роскоши, находятся многомиллионные массы рабочих и крестьян, живущие в нищете и страданиях. Рабочий класс и крестьянство, как наиболее эксплоатируемые элементы, естественно стремятся к улучшению своего тяжелого положения Но из опыта последнего времени они знают, что их положение не может радикально улучшиться до тех пор, пока они не уничтожат в корне причин, порождающих социальное неравенство, эксплоатацию и нищету.

Несомненно также, что события последних лет ведут нас к революции; они толкают к ней трудящихся больше, чем убеждение, что освобождение мирным путем совершенно невозможно. Конечно, угнетенные массы, принужденные насилием нести на себе тяжесть власти и эксплоатации, во время революции, роковым образом будут вынуждены прибегнуть к тому же насилию, чтобы освободиться от своих притеснителей. Но из этого не следует утверждать, что будущее свободное общество будет создано путем насилия. Во всяком случае, искренние революционеры и анархисты далеки от такого утверждения и в отличие от большевиков, желающих осчастливить рабочие массы помимо их воли, они не возлагают больших надежд на насилие. Они лишь расчитывают при помощи силы устранить препятствия — уничтожить капитал и власть и освободиться от насильственного строя.

На широкую арену борьбы анархистов с государством и властью может вывести правильное истолкование революции, как социальной и анархической; как таковая, она может иметь значение и успех, и как таковая ,она сможет победить, ибо такому истолкованию соответствуют фактические стремления трудящихся разных стран. Укрепившись в этой позиции, анархисты каждую стычку с врагом превратят в широкую борьбу, в величайшую битву армии угнетенных и эксплоатируемых. И выступив вместе с революционным народом против власти и капиталистической собственности и за установление победы социальной революции завоюют и для себя право на независимость — право на автономную анархическую жизнь.

Но не все анархисты, однако, согласны с такой выдержанной анархической позицией по отношению к власти и государственному коммунизму, и некоторые из них, создав странный синтез анархо - большевизма и проглотив большевизм вместе с анархизмом, упорно держатся за линию изменения анархической тактики в сторону признания «диктатуры пролетариата», как единственного, по их мнению, пути для осуществления свообды и социализма.

Идейный руководитель этого нового ревизионистского направления в анархической тактике П.Аршинов в своей новой брошюре: «Анархизм в наше время» в последней главе «Каким путем идти?» пишет, например, следующее: « Тактика прямого действия, антипарламентаризма, всеобщая стачка, даже переходящая в вооруженное возстание, — все это верно, но всего этого далеко недостаточно для осуществления и успешного завершения социальной революции. Нетронутым и неразрешенным анархистами остается вопрос о взаимоотношениях между классами на другой день социального переворота, т е. вопрос о власти. Рабочий класс имеет перед собой могущественного врага, располагающего огромными средствами подавления и порабощения трудящихся. Этого врага надо уметь не только опрокинуть, но и удержать в руках пролетариата» (стр. 25). И отсюда он делает вывод, что анархисты должны избрать, как средство, путь «диктатуры пролетариата», ведущий, по его мнению, к освобождению рабочего класса.

Но, спрашивается, разве анархисты верят, что посредством одной только всеоб-

щей стачки можно осуществить анархизм? Ведь анархисты считают всеобщую стачку лишь предварительным средством или пред дверием к социальной революции, которая сама по себе тоже не является самоцелью, и они знают, что даже «на другой день» победы социальной революции, идеал анархического общества не осуществится еще полностью. Но анархисты отвергают «переходный период», и как преграду на пути к осуществлению социализма, и как вообще опасный и чреватый роковыми последствиями путь, и они верят, что величие и значение всякого идеала, тем более анархического, заключается именно в том, что он осуществляется полностью. И именно анархисты в России доказали это, когда они геройски защищали идеи вольных рабоче - крестьянских советов и когда многие из них погибли в борьбе с контрреволюцией, уничтожавшей огнем и мечом всякие попытки к самодеятельности и свободной жизни. Вместе с тем, опыт русской революции доказал правильность анархической истины, заключающейся в том, что если в процессе революции рабочие отдадут свою судьбу в руки хотя бы самой революционной политической партии для создания нового государства, то революция окажется безплодной, все революционные завоевания трудящихся будут сведены на нет, и «диктатура пролетариата», из орудия против буржуазии, превратится в орудие порабощения трудового народа. Опыт этой революции доказал правильность также и другой анархической истины, говорящей, что социально - экономическое освобождение есть основа всякого другого освобождения, т. е., что политическое освобождение — замена одной власти другой — есть обман, коль скоро трудящиеся не могут пользоваться материальными и духовными плодами революции.

Анархисты не отрицают, конечно, слабостей и недостатков анархического движения. Они знают, что дезорганизованность, тактическая беспочвенность и вообще хаотичность этого движения — отрицательные явления и они стараются по мере возможности преодолеть их. Они также знают, что враги трудящихся сильны и они добровольно не уступят своих привилегий и богатства, и без боя не сдадут своих позиций. Но вытекает ли из этого, что анархисты должны об'единиться с коммунистами - большевиками для укрепления «диктатуры пролетариата»? Как можно защищать «диктатуру пролетариата» в стране, где машина ставится выше рабочей жизни и где на машины и рабочих смотрят, как на сумму лошадиной силы, которую надо использовать для государства? Как можно защищать «диктатуру пролетариата» в стране, где десятки и сотни тысяч рабочих, крестьян, анархистов и социалистов гниют в тюрьмах и ссылках? И как можно вообще защищать «диктатуру пролетариата», которая в действительности является диктатурой над пролетариатом, надругательством над трудящимися и над социализмом?

Путь «диктатуры пролетариата» неприемлем для анархистов и они ни идейно, ни тактически не могут работать вместе с большевиками - государственниками, хотя бы их общая цель — свержение буржуазии — была бы им близка, и все усилия наших ревизионистов подменить анархизм большевизмом, будут безуспешны. В своей ненависти к буржуазии и любви к трудящимся, анархисты никогда не забудут ненависти большевиков к анархизму и анархическому движению, и они всегда будут бороться против всех властителей-государственников и за свободную анархическую жизнь. И в этом отношении трудовое человечество достигнет своего полного освобождения не посредством преобразования государства — этого чудовища, терзающего человечество в продолжение тысячелетий, а путем абсолютного упразднения власти во всех ее видах, формах и проявлениях и установления свободных, автономных коммун, основанных на началах безвластия, кооперации, взаимопомощи и справедливости. К этому стремится анархизм.

Путь к анархизму ведет через социальную революцию, к анархии, т. е. без-

государственному обществу, в котором не будет частной собственности, принудительных законов и насилия и в котором все люди будут жить в свободе,равенстве и довольстве. Анархизм и есть учение о таком свободном и безвластном общежитии людей, и все анархисты организованными силами должны активно стремиться к тому, чтобы расширить свою борьбу и приблизить победу анархизма — идеала подлинного освобождения человечества от ига капитала, власти и диктатуры.

Л. ЛИПОТКИН.

АНАРХИСТ КАРЛ НОЛЬД

(С английского).

Когда мне стало известно, что мой друг и товарищ — Карл Нольд умер, я почувствовал как бы гибель части моего собственного существа. Не потому, что мы во всем соглашались, и не потому, что наши взгляды всегда и во всем гармонировали, а потому, что после сорокалетней дружеской и товарищески - совместной борьбы, страданий, разочарований и надежд, я почувствовал, что добрая часть меня самого умерла со смертью К. Нольда.

Нольд родился 26 сентября 1869 года в Южной Германии. Приехал он в Америку в 1883 году. Нужно знать все хорошие и плохие стороны К. Нольда для того, чтобы оценить его прекрасную натуру. Карл был очень веселым товарищем, всегда в хорошем настроении. Он очень скоро заводил дружбу с людьми, особенно с женщинами. Он был агитатор и борец за свои убеждения. Декламатор. А когда ему хотелось устроить певческое состязание, он отдавался ему и телом и душой.

Как молодой человек, он хорошо понимал правдивость байроновских слов:

«Самая худшая форма рабства, это — порабощение ума». Человек, который не думает, является рабом природы. И если он не выражает своих чувств ясно и свободно, он является самым низким рабом общества.

Карл придерживался таких понятий всю свою жизнь как в тюрьме, так и на свободе. Он читал и изучал ценные книги, какие только мог получить. Он обладал замечательной памятью. Самую длинную поэму, которая когда-либо была написана, он мог продекламировать сначала до конца без заминки.

Вспоминаю я 1887 год. Сидя однажды у себя на чердаке в гор. Филадельфии, я слышу стук в дверь. Открываю. Передо мной стоят два молодых человека, рекомендуются читателями Иоганна Моста газеты «Фрейгайт» («Свобода»), говорят, что Мост сказал: идите к Отто Герману, он вам поможет и даст надлежащие инструкции относительно города Филадельфии. Это были — Карл Нольд и Герман Котле. Не взяло много времени и мы стали друзьями. Я устроил их на работу в той же фабрике, в которой работал сам. Карлу в то время было 18 лет. Он изучил всю анархическую литературу, какую только мог получить. Он активно работал по устройству публичных, агитационных митингов, распространял афиши, продавал анархическую литературу и т.д.

Спустя несколько лет Карл устроил «Большой марш» из Филадельфии в Питсбург, где он встретился и подружил с Гери Балером, который являлся активным агитатором и продавцом анархической литературы в той окрестности. Когда сталелитейные рабочие заводов Карнеги вышли на забастовку в 1892 году, Карл и Гери Балер стали активными работниками этой забастовки: выпускали и распространяли афиши и листовки, призывавшие к массовым митингам, к массовым действиям и к организации. Оба они, конечно, были арестованы и брошены за решетки.

Когда Карл был освобожден, я пригалашал его обратно в Филадельфию. Он же уговаривал меня приехать в Арканзас и организовать кооперативную ферму. В

этом предприятии я не очень был заинтересован потому, что уже понимал, что главное в жизни не только лишь свобода, но также необходимы и средства. Однако, уговаривания Карла заставили меня и еще некоторых друзей и товарищей собрать свои вещи и отправиться в Арканзас для того, чтобы убедиться — на что будет похожа коммунистическая республика. Там было 200 акров леса и 40 акров обработанной земли. Но беда заключалась в том, что никто из нас (четырех мужчин, одной женщины и трех детей) не имел денег для покупки инструментов, чтобы можно было срезать стоявшие там величественные дубы, распилить их и отправить дрова в Литл Рак для продажи. Все-таки, после шестинедельной тяжелой работы, мы все пришли к заключению, что это было самое прекрасное время в нашей жизни. Никто, конечно, из нас не жалел о том, что приехал туда и после шести недель мы оставили пустынное наше жилище с бурей революционных песен. Одно положительно верно, что колоссальные дубы уезда Пуласки в штате Арканзас никогда не слыхал столько революционных песен, сколько было спето в те шесть недель, которые мы там прожили. Наш Карл всегда был руководителем после того, как, просидев в заключении четыре года и три месяца, перед ним было открытое поле и он этим пользовался и удовлетворялся.

Карл остановился в городе Сант-Луже, а я и мой товарищ уехали в Чикаго. В Сант-Луис Карл организовал анархический пропагандистский клуб. Он также принял активное участие в юнионе машинистов, в котором в течение короткого времени склонил большинство его членов на сторону анархистов. В это время он сдружился со своим тов. Кэйт Аустин, и в течение нескольких лет был гостем у Сэма Аустина на ферме, недалеко от Калиньгер Милс, Мо. Он был завзятый читатель Роберта Рентзеля «Арме Туфель», («Бедный дьявол»), и в начале этого столетия он остановился в Детройте, где в течение 25 лет работал у компании по выделке весов, которая замотала его пенсию.

Карл никогда не воображал себя великим оратором. Однако, 11-го ноября 1889 года мы выписали его на наш мемориальный митинг, на котором присутствовало 2,000 человек и который он провел успешно. В течение некоторого времени Карл являлся душой Детройтской Анархической группы и, так называемой, модерной воскресной школы. Он также был членом «Социал Турн Ферейн», где он постоянно вел борьбу с реакционными элементами. Он часто приезжал в Чикаго, и при встрече с знакомым шутливо спрашивал: «Имеет ли он достаточно вина в подвале?»

В Чикаго Карл имел много друзей, в их числе Люси Парсон, Анну Лившиц и много других. Он принимал активное участие в изданиях: «Свободное общество», «Свобода», «Недовольный» и других анархических изданиях. Карл был глубоко заинтересован в анархической библиотеке Джо Лабоди, находящейся в Мичиганском университете (в Анарбор) под покровительством г-жи Агнес Инглис, заведующей коллекционным отделом при университетской библиотеке.

Товарищ Карл Нольд не воображал себя героем, но он преданно боролся с капитализмом, государством и их жестокой политической машиной. Со смертью Карла, я потерял хорошего друга, мы потеряли хорошего товарища.

ОТТО ГЕРМАН.

ПИСЬМО АНАРХИИ

(ОТРЫВОК)

Ты ушла и с собой унесла—блеск, сиянье весеннего дня...

Нет, ты еще не уходила. Не уходила... потому что ты еще не приходила. Ты только обещала придти... и рассыпать цветы...

И я жду тебя. Как соловей тихих лунных ночей, как напоенный росой лепесток солнечного поцелуя, как девушка подвенечного платья... так я ожидаю тебя, голубка моя.

Я жду, томлюсь и взываю: приди, моя радость, явись, мое солнышко. Но тебя нет. Ты не спешишь....

В ясный день выхожу я в чистое поле. Какой простор, какая ширь! Резвый ветер гуляет на воле. Я обращаюсь к нему и спрашиваю:

— Ветер!.. Ты везде бываешь. Скажи: где моя златокудрая? Поведай: скоро-ли она придет?

— Не знаю, — отвечает ветер.

В тихую ночь я сижу на обрыве скалы и гляжу на отражение месяца в реке. Я подымаю свой взор ввысь и говорю:

— Месяц! Не идет-ли моя ненаглядная?

Ответа нет. Безмолвно плывет месяц, безмолвно смотрится он в зеркала вод.

Чуть заря —я устремляю свой взор на восток.

— Заря, заря! — взываю я. — Возьми мою долгожданную за руку и приведи ко мне.

Заря шлет мне свои ласковые улыбки, но долгожданной не ведет.

В час вечернего заката не могу я оторваться от угасающего луча. Смотрю на запад и твержу:

— Солнце! Передай ей мой привет. Скажи ей, что я изнемогаю от ожидания.

Ничего не отвечает солнце. Ему нет дела до меня.

Я спрашиваю у птички:

— Птичка! Не видала ли ты ангела?

— Кого?

— Ангела. Моего ангела.

— Твоего ангела? Какой же твой ангел?

— Ах, птичка! Мой ангел самое красивое дитя в пределах вселенной. Зовут его — Анархия...

А.

Письма стихи и мелкие сообщения

ПОЧЕМУ НАДО ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Журнал «Пробуждение» надо читать по многим причинам. Прежде всего потому, что в нем сотрудничают самые лучшие литературные силы, дающие в своих статьях правильное представление об анархизме.

Во-вторых потому, что «Пробуждение», как анти-большевицкий журнал, ведет непримиримую борьбу против большевизма. Большевики и их опричники замучили голодом миллионы людей, они залили страну человеческой кровью. Анархисты в России оказали решительное сопротивление большевицкой реакции, и за это многие из них поплатились жизнями.

В «Пробуждении» можно встретить статьи участников Русской революции, дающих правдивые о ней описания.

Очень метко охарактеризовал положение рабочих в России Малатеста: «Если пролетариат позволит набросить на себя ярмо диктатуры в обманчивой надежде, что она будет служить его интересам, тогда с ним случится то-же самое как с лошадью в басне: она, однажды, чтобы лучше преследовать оленя позволила человеку оседлать и взнуздать себя — и с того дня стала рабыней человека». («П».— 23-27).

Отношение анархистов к большевикам было хорошо охарактеризовано М. И. Суком почти 7 лет тому назад в «Пробуждении»: «В некоторых государствах, как например, в России, государственная тирания большевиков не знает предела, и фактически превратила страну в одну огромную тюрьму. И когда государственники говорят о замене одной власти другой, то это напоминает не более, как процедуру смены старых тюремщиков новыми. Решетки-то государственные остаются, а, следоватлеьно, люди будут попрежнему на положении заключенных». («П.», 2).

По моему мнению, рабочим надо отбросить всякие государственнические теории, как-бы они ни именовались. Большевизм, фашизм, монархизм, демократизм и т. д. обанкротились. Выход только в осуществлении безвластнического строя. Но он сам не придет, надо идеи анархизма пропагандировать и распространять среди обманутых и угнетенных народных масс.

В каждом городе надо иметь безвластнические организации, или группы, распространять анархическую литературу, взыскивать средства для журнала и другой литературы. Особенно я рекомендовал-бы нашим русским колонистам ознакомиться с № 52-53 «Пробуждения», в котором имеются такие замечательные статьи, как «Пути и цели революции в понимания Кропоткина» Неттлау, о «Национализме» Жан Грава и др. Кто прочтет этот номер, тот непременно станет постоянным читателем журнала.

Т. Е. ЧЕРНОБРОВ.

К СОЮЗАМ, ГРУППАМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ

Уважаемые товарищи!

Нстоящее время требует от нас всех предпринимать серьезные меры в деле организации и пропаганды анархических идей. Время, в котором мы живем, требует более интенсивной работы, более активной деятельности среди трудящихся масс для того, чтобы зажечь факел анархических идей среди повсеместного мрака и темноты. Надо еще раз попытаться всколыхнуть умы рабочих масс, которые затемнены большевизмом, фашизмом, монархизмом, капитализмом и церковью.

Поэтому мы обращаемся ко всем союзам, группам и отдельным товарищам, которые работают в анархическом движении, принять деятельное участие в дальнейшей работе. Становитесь активными работниками Федерации Рабочих Союзов Безвластников и принесите все свои силы и способности на алтарь творческого и революционного дела во имя Свободы всего че-

ловечества.

1) Пишите корреспонденции для своего рабочего органа «Пробуждение» о вашей местной организационной работе, а также о робочем и анархическом движении, главным образом о том, что происходит на фабриках, заводах, фармах и шахтах.

2) Желательно, чтобы Союзы, группы и отдельные товарищи на местах проявляли больший итнерес к выписке книг, брошюр для распространения среди рабочих масс из книжного склада «Пробуждение», а также подыскивали новых подписчиков, чем окажете моральную и материальную помощь журналу, который распространяет анархические идеи свободы и международного братства людей.

3) Просим всех наших старых подписчиков, срок подписки которых давно истек, возобновить таковую и этим самым вы поддержите свой рабочий журнал «Пробуждение».

4) Убедительно просим все Союзы и группы, чтобы на местах не задерживали денег за проданные номера журнала, а высылали регулярно за каждый номер в отдельности.

Все заказы на книги и брошюры, деньги, статьи и корреспонденции направляйте по адресу «Пробуждение».

Секретарь

И. Ч.

ПРОГРАММА АНАРХО - КОММУНИСТОВ

Для успеха анархического движения необходима организация в каждой стране анархистов - коммунистов и об'единение их в Анархический Интернационал. В основу программы анархистов - коммунистов должны быть положены:

1) Участие в кооперативном движении в целях переустройства его на анархический лад, путем создания таких потребительских кооперативов, которые могли бы стать первыми ячейками анархического общества;

2) Участие в профессиональном (синдикальном) движении в целях:

а) использования его в качестве школы для революционизирования рабочих масс в рамках капитализма и в качестве легальной ширмы для анархического движения;

б) превращения их после социальной революции в профессионально - технические школы при мастерских потребительской кооперации;

3) Участие в крестьянских и фермерских (не эксплоатирующих наемного труда) союзах, в целях революционизирования крестьян и мелких фермеров и превращения союзов в легальную ширму для крестьянского анархизма.

В тактику анархистов - коммунистов должны входить антипарламентаризм, антимилитаризм и восстания.

Только при таких условиях анархизм может стать такой общественой силой, которая перестанет лить воду на чужую мельницу и пойдет прямым путем к воплощению в жизнь своих собственных идеалов, устраняя всякие препятствия со стороны врагов.

В. Х.

ПИСЬМО ИЗ БУЭНОС-АЙРЕСА

Современный мировой экономический кризис отразился также и на воспетой буржуазией «мировой житнице» Аргентине. Эта легендарная страна переживает великую трагедию. Быстрый рост безработицы еще в начале 1930 года повлек за собой частые протесты со стороны рабочих против существующего строя.

Анархическая и революционная пропаганда в синдикатах рабочих; агитация активных товарищей на митингах в городах и в провинции против эксплоатации и государства давали самые лучшие результаты. И недовольство среди городского пролетариата и крестьянства (чакареров) росло, выливаясь из частых и мелких бунтов во всеобщие стачки, с каждым днем принимавшие все большие размеры.

Буржуазная и партийная печать, усмотрев угрозу их привилегированному положению, подняли истерический вой, требуя от правительства радикалов немедленного принятия экстренных и энергичных мер против восстающего народа. Но правительство медлило, колебалось.

Наконец, общественное мнение было

обработано и подготовлено для фашистского переворота. Восторжествовали реакция, утвердилась диктатура генерала Урибуру в 1930 гду, нанесшая чувствительный удар организованному рабочему движению.

Рабочие здесь были об'единены в синдикаты, связанные посредством безвластнической Федерции Рабочих (Ф.О.Р.А.). В реформистских синдикатах — Генеральной Конфедерации Труда — об'единено большее число рабочих, чем в безвластнической Федерации.

Надо скаазть, что, хотя Федерация Рабочих и имела меньше членов, чем реформистская Федерация, но влияние ее на население страны было большим, чем реформистской Федерации, и этого обстоятельства не упускала из виду власть — диктаторы Урибуру, Хусто и Ко. Как только они очутились у руля правления, первые же удары были направлены на ненавистную им Федерацию.

Помещения почти всех синдикатов (безвластнических) были закрыты полицией, и в стране введено безсрочное военное положение. Полиция стала охотиться на активных товарищей и вылавливать их. Сотни анархистов и революционных рабочих очутились за решетками. Наконец, парламент об'являет анархическую Федерацию вне закона.

Сфабриковали судебный процесс, в котором фигурировало около ста человек. Некоторых оправдали, других выслали в Испаннию, Италию, Польшу, третьи попали в тюрьму на Огненной Земле.

Всевозможными преследованиями и репрессиями диктаторы пытались разгромить и задушить ненавистное им безвластническое рабочее движение, но этой цели не достигли. Вред рабочему движению нанесен, но рабочее движение не ликвидировано, оно живо, и влияние безвластников на население еще более возросло. Появились анархические группы в таких местах, где их раньше не было.

В настоящее время поднят вопрос о созыве всеобщего анархического с'езда, который возстановит разгромленную Федерацию анархистов.

Нечего и говорить о том, что реформистские синдикаты сыграли преступную роль помощников диктаторов. Они лобызали дворцовые ковры, клялись Урибуру в верности «конституции» и опубликовали манифест, который возмутил даже их собственных сторонников. В этом манифесте они заверяли в том, что аргентинским рабочим не угрожает опасность ни со стороны фашизма, ни со стороны реакции. Более того, нередко реформисты играли роль иуд-предателей и помогали властям разыскивать активных революционных рабочих.

Передовым аргентинским рабочим приходится поэтому вести борьбу на два фронта — против диктатуры и против реформистов, стремящихся обескровить рабочее движение.

Я ничего не сказал еще о наших большевиках. Но здесь они такая незначительная сила, что с ней никто не считается. Здешнему рабочему движению большевицкая язва не привьется.

А. КУНИЦА.

Буэнос-Айрес.

ОТЧЕТ ДЕТРОЙТСКОГО ПРОФ-СОЮЗА ОТ 1-го ФЕВРАЛЯ 1934 Г. ПО 1-е ФЕВРАЛЯ 1935 Г.

ПРИХОД:

Переходная сумма	3.54
Членские взносы	41.00
Дообровольные пожертвования	4.15
От предприятий	25.32
От пикника	28,14
Итого	102.15.

РАСХОД:

В фонд «Пробуждение»	35.32
Полит. заключенным в Испании	7.00
Старого долга Р.П.О., отд. 72 РООВА	10.00
Дефицит по предприят. и лекции	7.94
На венок тов. Токаревой	2.00
За помещение	5.00
Итого	97.26.
Остается в кассе	4.89.

Комиссия:

И. Нестерук

А. Омельчук.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ ОТ 15-го СЕНТЯБРЯ 1934 г. ПО 28-е ЯНВ. 1934 Г. ЗА «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Нью Иорк, Кр. Д. Свободы	13.45
Филадельфия, Груп. «Пробуждение»	11.85
Виндзор, Кан., Р.С. Самообразование	5.00
Нью Кестл, М. Осипук	5.00
Бостон, С. Розуменко	3.00
Эмбридж, П. Руль	3.30
Бруклин, Б. Войтович	2.20
Нью Гевен, Груп. Русс. Рабочих	2.40
Аргентина, А. Куница	2.00
Лондон, Канада, С. Сак	1.00
Гартфорд, М. Лавренук	0.75
Всего	49.95.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД

Нью Иорк, Кр. Д. Свободы	8.50
Нью Иорк, А. Музыка	7.00
Ленсинг, Н. Иванов	5.00
Интернешинал-оФлс, И. Степовой	3,00
Сан-Франциско, П. Логинов	3.00
Ансония, И. Федоруков	1.75
Канада, Т. Мартынук	1.00
Всего	29.25.

По подписным листам.

Нью Иорк, Кр. Друзей Свободы, подписной лист номер 20:	16.50
Филадельфия, Группа «Пробуждение, подписной лист номер 12:	7.50
Всего	24.00

За книги и брошюры

Нью Иорк, Кр. Д. Свободы	6.50
Филадельфия, Н. Гренук	2.50
Форд-Морган, П. Гулько	1.50
Гартфорд, М. Лавренук	0.50
Всего	11,00.

ДЕТРОЙТ ЗА ЖУРНАЛ И ФОНД:

Профсоюз за «Пробуждение»	13.20
Профсоюз из кассы	10.00
В. Громиков от розыгрыша книг, картин и др. вещей	16.40
Р.С.В. собрал по под. листу ном. 23	7.80
И. Черный от продажи календарей	5.00
Р.П.О. отдел 72 РООВА на издание трудов Н. Махно	5.00
И. Ковальчук 2.00, И. Сооколович 2.00, А. Омельчук 1.00, А. Я. 1.00, Е-ов 1.00, Л. 0.50, С. Л. 0.25. Всего	65.15.
Итого прихода	179.35

РАСХОД:

Издание журнала	135.75
Перевод статей	34.50
Почтовые расходы	28.86
Всего	199.11.
Дефицит от прошлого отчета	23.83
Итого	222.94.
Дефицит теперь	43.59.

Комиссия:

И. Нестерук
А. Омельчук.

НОВАЯ БРОШЮРА

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра М. Неттлау «Цели и методы анархизма». Брошюра содержит 48 страниц. Цена 10 сентов. Весь доход от продажи брошюры идет в пользу автора.

Заказы просим направлять по адресу «Пробуждение».

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"
9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.